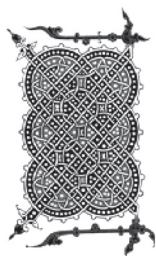

ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2023 И. В. Поздеева
Москва, Россия

ОБУЧЕНИЕ ВЕРЕ И ГРАМОТЕ – ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ И ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ТРАДИЦИИ

Аннотация. В статье анализируется традиционное обучение, соединяющее знание грамоты с воспитанием в вере. Также показана деятельность Московского печатного двора XVII в. по изданию книг для обучения.

Ключевые слова: традиционное обучение и воспитание, старообрядчество, Верхокамье, Московский печатный двор.

Ссылка при цитировании: Поздеева И. В. Обучение вере и грамоте – инструмент сохранения и возобновления традиции // Традиции и современность. 2023. № 33. С. 3 –11

Поздеева Ирина Васильевна (Pozdeeva Irina Vasilievna) – доктор исторических наук, профессор Кафедры истории Церкви Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, эл. почта: vascault@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2023. № 33. С. 3–11

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 316.754; 316.74; 241.53; ББК – 74.92; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-33/3-11>

Понимание, что традиция – живая кровь любой культуры, давно принято в культурологических, исторических, искусствоведческих и краеведческих исследованиях. Действительно, мы постоянно читаем о традициях семьи, сельскохозяйственных традициях, самых разнообразных коллективных объектах, о национальных традициях, которые, в свою очередь, создавали, определяли и сохраняют национальный менталитет. Однако закономерности создания и сохранения традиций, неизбежная динамика в жизни любой культуры традиций и новаций, когда речь идет о различных эпохах, рассмотрены недостаточно.

Изучая народную веру и культуру, исследователи пришли к выводу, что именно старообрядчество, особенно общины так называемых беспоповцев, целью которых было оставить все «как у дедов и правдедов наших», во многом сумели в течение веков сохранять народную веру, культуру и обыденную жизнь, которые отражали их основу – традиции православного вероучения; об этом много писала в своих трудах Марина Михайловна Громыко (см., например: Громыко 2001).

Второй принятый сегодня в науке постулат – то, что в основе православной культуры была и остается именно Книга – книжность и книжная культура, то есть массив книжных текстов, традиционно используемых общинами в их литургической, воспитательной, полемической и повседневной жизни. А под книжной культурой понимаются все способы и средства, которые служат всестороннему традиционному использованию книги: умению читать, писать, понимать, сопоставлять, анализировать тексты. Необходимо помнить, что традиционная народная словесность включает и устную культуру, часто неотделимую от письменной. Например, уникально сохранившиеся (и сохранившие свои функции) духовные стихи Верхокамья (Поздеева 2007; Никитина 1994; Никитина 1982).

Обнаружив в 1972 г. и в течение 30 лет всесторонне изучая традиционные старопоморские общины района у верховьев реки Камы, мы убедились, насколько это справедливо, так как выяснили, что в Верхокамье культура местного старообрядческого крестьянства сохранилась как система, основой которой до конца XX в. являлась традиционная книжность – общинные библиотеки, которые содержали печатные книги XVI – первой половины XVII в. Особенностью местной книжной культуры была коллективная общинная собственность на книги, которые выдавались членам общины «на жизнь» или на «время».

Наш коллектив уже достаточно опытных исследователей поразили объем местной книжности и местная книжная культура. В небольшом регио-

не у верховьев Камы, приблизительно 60 на 60 км, нами было поставлено на учет более двух тысяч книжных памятников, в основном московской до-никоновской печати, и местных списков с них, как правило, XIX в. (подробный анализ верхокамской старообрядческой книжности и книжной культуры см.: Поздеева 1982). Поморская вера, требующая отказа от всякого взаимодействия с окружающей действительностью в духовных, религиозных и материальных отношениях, создала и сохранила в этом районе поразительную социально-культурную систему, которую мы и смогли проследить еще в ее целостности, особенно прочно здесь сохраняемую после разделения единой поморской общины на два, остро между собой полемизирующих направления – «деминцев» и «максимовцев» (Поздеева 1982б). Местные поморские общины состояли из «соборных» и «мирских». Соборные, являющиеся полноправными членами общины, выполняли все требования поморской веры: не могли работать в современных государственных организациях, не имели права религиозного, семейного и любого другого общения с представителями иной веры или своими «мирскими», не могли покупать в магазине или на рынке продукты и предметы, изготовленные не единоверцами, не могли использовать любую современную технику – не только ездить на любом механическом транспорте, но даже использовать резиновый шланг для поливки личных огородов. (Одинокый старик-соборный за поливку огорода шлангом был «запрещен».)

Соборные не только должны были исполнять монашеское правило, но и вести монашеский образ жизни. Даже одеваться они должны были в одежду только из дмотканой материи, сшитой согласно древним традициям (особенно строго это соблюдалось в отношении одежды на богослужения или соборования общины). Например, женские дубасы, только черные или синие, повторяли форму древнего народного сарафана. Кроме лаптей носили «онучи», кожу для которых «мяли» и шили в своей общине.

В 70-х годах XX в. в местных старообрядческих общинах было принято решение не менять паспорта (не фотографироваться), не получать заслуженную пенсию, объясняли это тем, что эти деньги от нечистого, на которые их пытается купить дьявол. Мирские, которые могли обычно присутствовать на богослужениях только в сенях, но в общинных решениях голоса не имели, работали в местных совхозах и государственных предприятиях, ездили на машинах и поездах, лечились в больницах и могли пользоваться иными благами цивилизации XX в. В домах же соборных почти до конца века не было сначала даже электричества, затем телефона и телевизора.

Однако все это постепенно завоевывало свое место в жизни верхокамских крестьян. Телевизор, например, во время моления сначала выносили в другое помещение, потом просто прикрывали тряпкой. Когда в 1990-х годах в доме одного из наиболее авторитетных наставников появился телевизор, он, поняв наше удивление, произнес незабываемую фразу: «А он, большоротой, всегда пересилит».

В тех общинах, где сохранилась традиция строить дома с разделенными сенями избами («тройная связь»), в одной из которых своей жизнью жили соборные, а в другой их мирские семьи, строго сохранялись и обязательные для соборных требования, из-за которых их называли «чашечниками», так как они не могли питаться не только из посуды мирских, но даже употреблять в пищу то, что сварено в общей посуде. На общие трапезы каждый соборный приносил свою чашку, ложку и т. д. Соборные бабушки и дедушки занимались здесь воспитанием и обучением внуков. Именно внуки, в отличие от всех остальных мирских, до достижения ими репродуктивного возраста являлись полноправными членами общины – собора. Затем, воспитанные в поморской вере, часто знающие «стариковскую» грамоту, мирские, окончив школу, заведя свои семьи, много лет проработав в местных совхозах и на других предприятиях, в пенсионном возрасте возвращались в общину, переходили в статус соборных. Именно постулаты и требования веры сохранили здесь древние, еще выговские традиции ведения хозяйства, которое должно было полностью, от продуктов питания до обуви, обслуживать соборных (фактически о всех сторонах материальной культуры верхокамских старообрядческих общин см.: *Димухаметова* 2010). Здесь сохранились традиции не только беспоповского богослужения, но и все необходимое местное ремесло, вплоть до того, что у деминцев и максимовцев были свои печники, строители, кузнецы и другие мастера. Почти до конца XX в. в каждом крестьянском доме сохранялись ткацкие станы, все необходимые предметы для изготовления пряжи. Даже на рубеже веков здесь ценили нескольких мастеров, изготавливающих красивые лапти, разные на правую и левую ноги, их очень любили работающие на совхозных полях люди, так как лапти быстро пропускали и не задерживали влагу. В Верхокамье общины очень долго сохраняли древние обычаи приходских и территориальных общин, например, общинные помочи соборным, у которых не было молодых помощников, в строительстве дома, заготовке дров, косье и т. д.

Если говорить о книжной культуре местного старообрядческого крестьянства, то мы постарались зафиксировать ее максимально полно. Работая в регионе ежегодно в течение 30 лет, мы довольно

быстро завоевали здесь доверие и уважение. Поэтому удалось выполнить то, что беспоповцы никому раньше не разрешали: записать не только на магнитофон, но и на камеру общинные богослужения (см.: *Литвина* 1998а; *Литвина* 1998б)¹, получить ответы на все наши вопросы, просмотреть большинство общинных библиотек. Особенно важна была находка описи одной из таких библиотек, которая показала, какие книги особо ценились, что рукописные памятники представляли меньший интерес, чем печатные, что в описи были зафиксированы не только точные названия всех памятников, но также место и время их издания или указано имя патриарха, при котором книга была издана. Выше уже говорилось, что общинные книги могли выдаваться членам собора на всю жизнь, но после их смерти должны были возвращаться в библиотеку общины. Особенно важно с точки зрения понимания книжной культуры местного старообрядческого крестьянства то, что нам удалось зафиксировать книги в домах всех членов общины, в некоторых населенных пунктах и в самом крупном из них – селе Сепыч.

Еще в 1974 г. нас поразило исключительно точное представление местных старообрядцев о датировке находящихся в их руках книг. В Верхокамье мы обнаружили разорванные, неполного состава редкие издания московских ранних Часовников и Псалтырей; раздобыв полностью сохранившиеся их перепечатки старообрядческих типографий, пытались заменить ими подлинники XVII в. Однако все без исключения их владельцы резко заявили нам, что мы предлагаем им издания поздние, по ним они, в отличие от своих книг, молиться не будут. Получив возможность обследования старообрядческих домов, мы зафиксировали все имеющиеся книги. Выяснилось, что старопечатные книги и местные рукописи были в 2/3 всех домов, где жили старообрядцы.

Чтобы показать уровень грамотности и книжную культуру местного крестьянства, назовем число книг в домах членов деминской общины с. Сепыч. В 23 домах из обследованных 34 (все старообрядческие дома были неоднократно обследованы в течение почти четверти века) оказалась 171 книга. В одном из них мы описали сохранившиеся 43 книги общинной библиотеки. Кроме того, в одном доме обнаружили 21 книжный памятник, в другом – 15. В двух домах по 11, 9 и 6 памятников. В одном доме зафиксировано 5, в трех деминских хозяйствах находились по 3 книги и в четырех – по 4 и 2². У членов максимовской общины, проживающих в с. Сепыч, картина была иной, но в большинстве домов и здесь находилось по 2-3 книжных памятника.

Обследования, проведенные в большинстве населенных пунктов Верхокамья, показали, что, кро-

ме достаточно богатых общинных библиотек, в 64% старообрядческих домов было от трех до пяти книг, но не более. К этому необходимо добавить, что в с. Сепыч мы обнаружили три рукописи XV–XVI вв., а также многочисленные сборники, составленные местными писцами в XIX – первой половине XX в.: сборники самых разнообразных текстов из Прологов, Иоанна Златоуста, патериков, Паренесиса Ефрема Сирина, Зарецала, житий и многих старообрядческих произведений. Особенно часто мы сталкивались с выполненными в Верхокамье копиями московских изданий Учебной псалтыри. Мы назвали такой тип книжности, характерный для старообрядческих общин всего Верхокамья, – «рассеянной книжностью», которая функционировала на фоне достаточно крупных общинных собраний и демонстрировала широкую грамотность местного старообрядческого крестьянства.

В первые годы работы большинство соборных в верхокамских общинах были людьми в возрасте от 70 до 90 лет, которые обучались вере и грамоте еще в дореволюционное время, а затем пережили страшный период разгрома общин после Сепычевского восстания 1918 г. Именно эти люди руководили богослужениями, решали многочисленные проблемы общин, которые диктовала окружающая советская действительность, они же воспитывали и обучали младших членов семьи.

Работы в Верхокамье позволили нам проследить основные характеристики книжной культуры беспоповских старообрядческих общин. Прежде всего, это почти всеобщая кириллическая грамотность соборных еще в последней четверти XX в., которая подтверждала, как мы сформулировали, «рассеянный характер общинной книжности». Вторую черту мы уже назвали – значительные общинные библиотеки печатной книги «дониконовского» времени, которые обслуживали всех членов общины, были коллективной собственностью. Наконец, особый литургический характер книжности, полностью подчеркивающий особенности богослужения беспоповских поморских старообрядческих общин. Достаточно сказать, что богослужебные книги составляли здесь более 65% всех поставленных на учет книг. 90% этих книг являлись ранними московскими изданиями. Из всех богослужебных книг 30 памятников датировано XVI в. (3 рукописных и 27 печатных), 539 – XVII в. (8 рукописей, 531 печатная книга), только 19 памятников относились к XVIII в. (9 рукописных и 10 печатных).

Состав богослужебных памятников также достаточно полно характеризует именно беспоповские традиции. Основных богослужебных книг было поставлено на учет примерно столько же, сколько в Верхокамье незадолго до нашего появле-

ния существовало поморских общин-соборов, причем использовались, как правило, только печатные книги. Например, Апостолов поставлено на учет 3 печатных книги XVI и 22 – XVII в.; Евангелий – 22 экземпляра XVII в.; Триодей постных – 2 и 22; Цветных – 4 и 20; Требников – 13 XVII в.; Уставов – 10 XVII в. и 15 – XIX в. Основного типа книг и для беспоповского богослужения – Псалтыри с воследованием поставлено на учет 140 экземпляров XVII в. и 15 – XIX–XX вв.; Псалтырей учебных – более 200 экземпляров, из которых 37 московских изданий XVII в., 78 местных рукописей XIX–XX вв. и 79 – старообрядческих изданий того же времени (подробнее см.: Поздеева 1996: 17–23 и др.).

Таким образом, состав литургической части местного книжного собрания позволяет говорить об особенностях молитвенной практики поморских общин Верхокамья. В 80-е годы XX в. в лабораторию пришло письмо от местной крестьянки, которая писала по-церковнославянски, извиняясь: «Прости, Васильевна, пишу, как учили».

В связи с особыми функциями книг, используемых для обучения и богослужения, понятно, что именно они при постоянном чтении раньше всего погибали. Поэтому совершенно очевидно, что среди 200 Учебных псалтырей у нас учтено 78 рукописных списков, в основном с московских изданий. То же самое надо сказать и о составе сохранившейся старопечатной книжности в других районах России. Среди тысячи сохранившихся экземпляров менее всего памятников, предназначенных для обучения грамоте – Часовников и Учебных псалтырей. До последних лет не было известно ни одного сохранившегося экземпляра (из более чем четверти миллиона напечатанных в Москве в XVII в.) «Первоначального учения детям» или Азбуки. То же самое и в Верхокамье. Среди поставленной на учет старообрядческой книжности нет ни одной раннепечатной Азбуки, всего несколько ее рукописных списков и старообрядческая перепечатка.

Прежде чем говорить собственно об обучении вере и грамоте детей в общинах Верхокамья, несколько слов о составе нелитургической местной книжности. Она поражает как разнообразием, так и объемом сохранившихся книг, начиная с трех экземпляров Острожской Библии (к сожалению, не полученных для МГУ), московских и острожских учительных изданий XVI в., московских изданий учительного и толкового Евангелий и большинства изданных в Москве в первой половине XVII в. учительных книг. Следует также отметить тексты из первых изданий Прологов, которые вошли во многие десятки местных сборников. Но совершенно особое место принадлежит в местной поморской книжности трудам Ефрема Сирина. В Верхокамье в

последней четверти XX в. активно функционировало 34 (!) московских издания этой книги (в том числе и с поучениями аввы Дорофея) в изданиях 1647 и января 1652 г. В местных рукописных сборниках выписки из Слов Ефрема Сирина встретились 57 раз (на втором месте после выписок из Иоанна Златоуста, которые обнаружены 131 раз, но надо помнить, что изданий собственно Златоуста в Москве в первой половине века не было). В Верхокамье зафиксировано также 33 экземпляра московских Учительных Евангелий (полную информацию о книжности верхокамских старообрядцев см. также: Поздеева 1996: 6–45).

Сохранились здесь в 4 экземплярах Кормчая книга (1653 г.), книга Кирилла Иерусалимского (1644 г.), Книга о вере (1648 г.) и практически все другие учительные книги дониконовского времени. Для доказательства прекрасного знания текстов подлинных изданий верхокамскими старообрядцами достаточно упомянуть, что все многочисленные отсылки к московским изданиям, указанные в местном историческом сочинении, так называемом Подлиннике о разделе, правильно называют нужные страницы (Сморгунова 1982; Кобян 1992; Агеева, Кобяк, Круглова, Смилянская 1994³). В данном контексте нет необходимости подчеркивать прекрасное знание в Верхокамье произведений выговских учителей и более поздних поморских текстов. Естественно, столь полная сохранность древних книжных традиций должна была опираться на систематическое обучение церковнославянскому языку, которое сочеталось так же, как и во все века в Древней Руси, с воспитанием в вере.

Начиналось обучение с усвоения Азбуки, а чтению учились по Часовнику и Псалтыри учебной. Часовник содержал тексты всedневных неизменяемых служб, которые всегда были «на слуху», основные постулаты православной веры.

О возможностях и задачах такого обучения и воспитания подробно говорится в послесловии одного из московских Часовников (Часословов) (см.: Зернова 1956: № 392), который напечатан в 8° (восьмую долю листа), вышел 20 марта 1685 г. в количестве 2400 экземпляров, продавалась книга по 20 алтын 2 деньги, то есть по 61 копейке (РГАДА 1685). Подробное Послесловие к книге обращено к детям и к их родителям. В тексте четко, коротко и красиво формулируется мысль, почему именно Часовник используется как первая учебная книга. Несмотря на значительный объем этой цитаты, она должна быть приведена полностью: учащиеся должны именно в златое время детства «ниже во тщетных играх златое детства время, никоего возвратимое ценою, погубляют, но яко в весне жизни своей нивы сердец своих учением тянут, и семена Слова

Божия от учителя имея, радостно приемлют. Сего ради во общую пользу всех православных христиан печатается сия книга, именуемая Часослов, содержащая в себе молитвы, псалмы и хвалы, повседневно от Церве Богу возсылаема... да учащаяся дети письмен чтению купно обикнут молитвы Господу Богу о всяческих нуждах и славу ему возсылати. И да обычаи сеи углубит корень свое в сердцах их, еже бы оному пребывати в них до кончины жизни... юже книгу вы, родители благочестивыи, яко начало положения жития христианского стяжующе, чадам вашим вручаете ко учению. Вы же, чадо христоменимое, радостно приемлюще ю, тщитесь чести и разумети напечатанная», – далее следует блестящая формулировка значения именно текста обучения: «да и чтуще – молитесь, и молящаяся – чтете... ибо молитва есть глаголение к Богу, чтение же – Божия к вам беседа».

После Часовника учащиеся вместе с учителем «читали и разумели» тексты Псалтыри, которую Василий Великий называл «Царь-книгой» или «Книгой книг». В Верхокамье и ряде других старообрядческих регионов Псалтырь считалась принадлежностью семьи и даже дома и нередко продавалась вместе с ним; Псалтырью благословляли «новобрачных»⁴. Именно эти древние традиции позволяли решить остававшийся важнейшим в течение многих веков (и для многих стран!) вопрос о единстве обучения и воспитания. Именно такое традиционное образование почти до конца XVII в. было характерно в России при обучении и крестянского, и царского сына, что в определенной степени создавало единство разных социальных слоев общества в понимании и отношении к православной вере и Церкви.

Московский печатный двор вопреки господствовавшей ранее теории, отрицающей его историко-культурное значение, максимальное внимание уделял изданию именно книг, традиционно используемых для обучения. Азбуки, Часовники и Псалтыри учебные издавались в Москве постоянно, чаще, чем любые другие книги, и к тому же самыми большими тиражами. В 40-х годах XVII в. на Печатном дворе появился и был издан важнейший для традиционного обучения текст, который предвещал издания Псалтырей учебных и Часовников. Он назван «Наказание ко учителем како им учить дети грамоте и како детям учиться...». В Каталоге А. С. Зерновой этот текст зафиксирован один раз в Учебной псалтыри, вышедшей из печати 20.09.1645 г. (Зернова 1956: № 180). Автор Каталога считает, что это первое издание «Наказания». Нет сомнения, что возможно и ранее, и совершенно точно в следующие годы этот текст помещался в начало учебных книг. Однако большинство Часовников или не дошли до

нас, или дошли в виде неполных экземпляров. Поэтому до сих пор нами найдено только одно издание, в которое вошло «Наказание», это Часовник 1649 г., полный экземпляр которого обнаружен в фондах Матенадарана (г. Ереван) (см.: Поздеева 2016).

Текст «Наказания» даже с современной точки зрения является достаточно полным и грамотным методическим пособием для учителей, обучающихся церковнославянскому языку, языку печатной книги всех славянских стран этого времени, языку Православной Церкви. Текст «Наказания» достаточно развернут, в Псалтыри 1645 г. он занимает 1–9 листы в начале книги. В пособии сформулированы основные принципы обучения, которые почти полностью совпадают с современными; в «Наказании» изложены основные проблемы грамматики, синтаксиса, а также приведены подробные объяснения наиболее сложных моментов обучения языку, например, употребления «яти». Язык этого текста ясный, четкий и образный. Точка и запятая различаются следующим образом: на точке нужно остановиться, а на запятой только немного отдохнуть. Принципы, которых должен придерживаться, с точки зрения авторов «Наказания», любой учитель – это последовательность изложения и обязательно твердое усвоение учащимися каждого раздела грамматики. «Наказание» рекомендует в начале обучения пользоваться Азбукой и переходить к обучению чтению по Часовнику только тогда, когда учащиеся твердо усвоили написание и произношение всех букв. Потом можно переходить к изучению и других книг – Апостолов, Евангелий и др. (Хотя в записях на этих книгах запрещается предоставлять их для обучения, так как дети могут их повредить.)

«Наказание» настойчиво предупреждает учителей, что обучать людей нужно «неспешно», поспешность только вредит обучению. Много раз пособие напоминает учителям, что они сами должны твердо знать и понимать то, чему учат других. Это требование не голословно, каждый раз учителям советуют, если они что-либо не знают или не понимают, обращаться к тексту грамматики, в котором все необходимое объяснено. Несомненно, речь идет о готовящемся в это время на Печатном дворе издании Грамматики Мелетия Смотрицкого (Зернова 1956: № 206; РГАДА). Она вышла 02.02.1648 г. в количестве 1200 экземпляров и продавалась по цене всего 16 алтын (то есть 48 копеек). Экземпляры издания достаточно быстро разошлись по регионам России.

Лучшее в это время изложение грамматических правил, составленное Мелетием Смотрицким и изданное впервые в 1616 г. в Евье, в московском издании сопровождалось рядом текстов об истории происхождения и о важности для всех православ-

ных, прежде всего, для понимания Писания, грамматического знания. Кроме того, московские издатели предпослали тексту самой грамматики удивительно красивую ей хвалу: «чесная наука мудрая грамматика», от лица которой и написан этот текст, говорит, что она необходима при выполнении любой работы, помогает в любой деятельности. Кроме того, грамматика сообщает, что она незаменима для всех возрастов человека: «младенцам есть яко питательница... детищам же – яко хранительница... отрочатам же – быстрозрительная наставница... юношам – яко целомудрию учительница... мужем – яко любимая сожительница... и престаревшимся – яко всечестная собеседница» (Грамматика Мелетия Смотрицкого).

В 40-х годах XVII в., как мы видим, Печатный двор обращал особое внимание на развитие и поддержку традиционного обучения языку еще и потому, что, как показывают ряд послесловий к изданиям 1640-х годов, в это время в московском образованном обществе шла напряженная полемика о судьбах церковнославянского языка в печати. Кроме указанных уже текстов, прямо необходимых для обучения, нужно напомнить, что именно в эти годы идет полемика с проникающими в Россию реформационными христианскими конфессиями. Именно эти цели преследовали изданные в 1640-е годы фундаментальные сборники, в которых публиковались не только произведения древних учителей Церкви, но и современные славянские работы антикатолической и антиреформационной направленности. Это Сборник о почитании икон, знаменитая Кириллова книга 1644 г., Книга о вере 1648 г., сборник из 71 Слова 1647 г., Лествица 1647 г. и ряд других. Именно в предисловии к Кирилловой книге, которая стала одной из основ старообрядческой веры и книжности, мы находим гимн «словенскому» языку. Авторы этого текста против тех, кто «хапается» за чужие, полные ереси языки, пренебрегая своим. Именно словенским языком пользуются в целом ряде стран, им же с греческого переведены тесты Писания, Предания и богослужения. Именно этот текст, несомненно, помнил М. В. Ломоносов, когда создавал свой гимн родному языку. Мы видим, что московские издатели прекрасно понимали неразрывную связь языка – основы православной культуры, значение языка книги в сохранении культуры, это требовало и традиционного обучения.

Поэтому на Государевом московском печатном дворе в XVII в. (с 1634 по 1700 г.) было напечатано около 60 изданий первоначального учения детям или Азбуки общим тиражом не менее 300 тысяч экземпляров и продано в лавке типографии по одной (максимум две) копейки. Также были изданы десятки тысяч книг, использование которых для обуче-

ния грамоте создавало и гарантировало традиционное единство обучения и воспитания – грамотность и осознанную веру, которые «вкоренились в сердце» до конца жизни. Это единство создавалось уже при обучении чтению по Часовнику.

Изучая традиционную культуру старообрядческих общин в разных регионах, мы везде фиксировали именно традиционное образование детей, соединяющее воспитание в вере и знание книг. Оно также начиналось с изучения Азбуки, использования для обучения чтению текстов Часовника; традиционное обучение, сохраненное старообрядцами, завершалось тщательным изучением Псалтыри, которая помогала каждому верующему не только укрепиться в православной вере, но и уметь понимать собственную личность и личности окружающих, через любовь к которым только и можно приблизиться к Господу. И пока сохранялись необ-

ходимые книги и в общине были люди, умеющие использовать их для обучения вере и грамоте, мог поддерживаться и комплекс традиционной культуры. В ином случае она достаточно быстро «размылась», что и произошло в Верхокамье на рубеже XX и XXI вв.

То, что здесь до последней четверти XX в. традиционная культура функционировала как система, объяснялось сохранением именно древнерусских традиций обучения и воспитания. До этого времени были живы большинство людей, получивших аналогичное воспитание еще в начале XX в. Именно эти люди, соборные равноправные члены общины воспитывали молодое поколение. В конце 1980–1990-х годов большинство этих людей ушло из жизни, и инструмент сохранения и возобновления традиционной веры и культуры старообрядческих общин постепенно был утрачен.

Примечания

¹ В настоящее время в фондах Археографической лаборатории Исторического факультета МГУ находится почти 600 часов просмотра записей, сделанных в Верхокамье.

² Благодарю за эти сведения М. М. Леренман, которая тщательно собрала их из записей в десятках экспедиционных отрядных дневников, которые хранятся в фондах Археографической лаборатории.

³ В книге опубликован список старопечатных книг.

⁴ Церковного брака в беспоповском Верхокамье не было, а родители, если они были соборными, не могли присутствовать на свадьбе детей.

Источники и материалы

Грамматика Мелетия Смотрицкого – Грамматика Мелетия Смотрицкого. М. Печатный двор, 02.01.1648. РГАДА 1685 – РГАДА. Ф. 1182. Д. 81. Л. 153; Д. 82. Л. 192, 195; Д. 84. Л. 100, 136, 138 об.; Д. 100. Л. 82 об.–83; Оп. III. Д. 247. Л. 1–7 (докладная выписка от 03.1685). РГАДА – РГАДА. Ф. 1182. Оп. I. Д. 34. Л. 247–251; Д. 42. Л. 195, 204 и др.

Научная литература

Агеева Е. А., Кобяк Н. А., Круглова Т. А., Смилянская Е. Б. Рукописи Верхокамья XV–XX вв. Каталог. М., 1994. Громыко М. М. Православие как традиционная религия большинства русского народа / Материалы Международного научного симпозиума «Православие и культура этноса». (Москва, 9–13 октября 2000 г.) // Исторический Вестник. М.; Воронеж, 2001. № 13–14 (спец. вып.). С. 40–58.

Димухаметова С. А. Мир вещей русских крестьян XIX–XX вв. Традиционная народная культура русского старообрядческого населения Верхокамья (из собрания Пермского краеведческого музея). Каталог. Пермь, 2010.

Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1956. Кобяк Н. А. Цитаты и цитация в старообрядческих рукописных сборниках Верхокамского собрания МГУ // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 173–179.

Литвина Н. В. От визуального материала до фильма и обратно (по поводу практики визуальной антропологии) // Материальная база сферы культуры. К первому фестивалю визуальной антропологии России. Вып. 2. М., 1998б. С. 78–81.

Литвина Н. В. Телевизионный архив традиционной культуры старообрядцев Верхокамья // Материальная база сферы культуры. К первому фестивалю визуальной антропологии России. Вып. 2. М., 1998а. С. 68–70.

Никитина С. Е. Народная словесность и народное христианство // Живая старина. 1994. № 2. С. 8–12.

Никитина С. Е. К вопросу описания устной культуры в районах традиционной народной книжности (в районах комплексной археографической экспедиции) // Вопросы собирания, учета, хранения и использо-

вания документальных памятников истории и культуры. Ч. 2. Памятники ранней письменности. М., 1982. С. 73–82.

Поздеева И. В. Археографические задачи полевых исследований (итоги работы МГУ) // Русские письменные и устные традиции и духовная культура по материалам археографических экспедиций Московского университета 1972–1980 гг. М., 1982б. С. 22–30.

Поздеева И. В. Верещагинское территориальное книжное собрание и проблемы истории духовной культуры русского населения верховьев Камы // Русские письменные и устные традиции и духовная культура по материалам археографических экспедиций Московского университета 1972–1980 гг. М., 1982а. С. 40–71.

Поздеева И. В. Издания Московского печатного двора для обучения вере и грамоте 1652–1700 // Человек. Книга. История. Московская печать XVII века. М., 2016. С. 208–231.

Поздеева И. В. Кому повем печаль мою // Духовные стихи Верхокамья. Исследования и публикации. М., 2007. С. 13–35.

Поздеева И. В. Продолжение традиции: книжная культура старообрядческого Верхокамья / Мир старообрядчества. Вып. 3. Книга. Традиция. Культура. М.; Бородулино, 1996.

Сморгунова Е. М. (публ.). Пермская рукопись XIX века «О разделе» // Русские письменные и устные традиции и духовная культура по материалам археографических экспедиций Московского университета 1972–1980 гг. М., 1982. С. 247–265.

References

Ageeva, E. A., N. A. Kobayak, T. A. Kruglova, and E. B. Smilyanskaya. 1994. *Rukopisi Verkhokam'ya XV–XX vekov. Katalog* [Manuscripts of the Verkhokamye of the 15th–20th centuries. Catalog]. Moscow.

Gromyko, M. M. 2001. *Pravoslaviye kak traditsionnaya religiya bol'shinstva russkogo naroda* [Orthodoxy as the traditional religion of the majority of the Russian people]. *Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma «Pravoslaviye i kul'tura etnosa»*. (Moscow, 9–13 oktyabrya 2000 g.) [Proceedings of the International Scientific Symposium «Orthodoxy and Ethnic Culture». (Moscow, October 9–13, 2000)]. *Istoricheskii Vestnik* 13–14: 40–58. Moscow; Voronezh.

Dimukhametova, S. A. 2010. *Mir veshchei russkikh krest'yan XIX–XX vekov. Traditsionnaya narodnaya kul'tura russkogo staroobryadcheskogo naseleniya Verkhokam'ya (iz sobraniya Permskogo kraevedcheskogo muzeya)*. *Katalog* [The world of things of Russian peasants of the XIX–XX centuries. Traditional folk culture of the Russian Old Believer population of Verkhokamye (from the collection of the Perm Museum of Local Lore). Catalog]. Perm.

Zernova, A. S. 1956. *Knigi kirillovskoi pečati, izdannye v Moskve v XVI–XVII vekakh. Svodnyi katalog* [Books of the Kirillov press published in Moscow in the 16th–17th centuries. Consolidated catalog]. Moscow.

Kobyan, N. A. 1992. Tsitaty i tsitatsiya v staroobryadcheskikh rukopisnykh sbornikakh Verkhokamskogo sobraniya MGU [Quotations and citations in the Old Believer handwritten collections of the Verkhokamsk collection of Moscow State University]. In *Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poselenii v stranakh Evropy, Azii i Ameriki* [Traditional spiritual and material culture of Russian Old Believer settlements in Europe, Asia and America], 173–179. Novosibirsk.

Litvina, N. V. 1998. Ot vizual'nogo materiala do fil'ma i obratno (po povodu praktiki vizual'noi antropologii) [From visual material to film and back (on the practice of visual anthropology)]. In *Material'naya baza sfery kul'tury. K pervomu festivaly vizual'noi antropologii Rossii* [The material base of the sphere of culture. To the first festival of visual anthropology in Russia], 78–81. Issue 2. Moscow.

Litvina, N. V. 1998. Televizionnyi arkhiv traditsionnoi kul'tury staroobryadtsev Verkhokam'ya [Television archive of the traditional culture of the Old Believers of Verkhokamye]. In *Material'naya baza sfery kul'tury. K pervomu festivaly vizual'noi antropologii Rossii* [The material base of the sphere of culture. To the first festival of visual anthropology in Russia], 68–70. Issue 2. Moscow.

Nikitina, S. E. 1994. Narodnaya slovesnost' i narodnoe khristianstvo [Folk literature and folk Christianity]. *Zhivaya starina* 2: 8–12.

Nikitina, S. E. 1982. K voprosu opisaniya ustnoi kul'tury v raionakh traditsionnoi narodnoi knizhnosti (v raionakh kompleksnoi arkheograficheskoi ekspeditsii) [To the question of describing oral culture in the regions of traditional folk literature (in the regions of the complex archeographic expedition)]. In *Voprosy sobiraniya, ucheta, khraneniya i ispol'zovaniya dokumental'nykh pamyatnikov istorii i kul'tury. Pt. 2. Pamyatniki rannei pis'mennosti* [Issues of collecting, recording, storing and using documentary monuments of history and culture. Pt. 2. Monuments of early writing], 73–82. Moscow.

Pozdeeva, I. V. 1982. Arkheograficheskie zadachi polevykh issledovaniy (itogi raboty MGU) [Archaeographic tasks of field research (results of the work of Moscow State University)]. In *Russkie pis'mennye i ustnye traditsii i duk-*

hovnaya kul'tura po materialam arkheograficheskikh ekspeditsii Moskovskogo universiteta 1972–1980 godov [Russian Written and Oral Traditions and Spiritual Culture Based on Archaeographic Expeditions of Moscow University in 1972–1980], 22–30. Moscow.

Pozdeeva, I. V. 1982. Vereshchaginskoe territorial'noe knizhnoe sobranie i problemy istorii dukhovnoi kul'tury russkogo naseleniya verkhov'ev Kamy [Vereshchaginskoe Territorial Book Collection and Problems of the History of the Spiritual Culture of the Russian Population of the Upper Kama]. In *Russkie pis'mennye i ustnye traditsii i dukhovnaya kul'tura po materialam arkheograficheskikh ekspeditsii Moskovskogo universiteta 1972–1980 godov* [Russian Written and Oral Traditions and Spiritual Culture Based on Archaeographic Expeditions of Moscow University in 1972–1980], 40–71. Moscow.

Pozdeeva, I. V. 2016. Izdaniya Moskovskogo pechatnogo dvora dlya obucheniya vere i gramote 1652–1700 [Editions of the Moscow Printing Yard for Teaching Faith and Literacy 1652–1700]. In *Chelovek. Kniga. Istoriya. Moskovskaya pechat' XVII veka* [Human. Book. Story. Moscow seal of the 17th century], 208–231. Moscow.

Pozdeeva, I. V. 2007. Komu povem pechal' moyu [To whom shall we sing my sorrow]. In *Dukhovnye stikhi Verkhokam'ya. Issledovaniya i publikatsii* [Spiritual poems of Verkhokamye. Research and publications], 13–35. Moscow.

Pozdeeva, I. V. 1996. Prodolzhenie traditsii: knizhnaya kul'tura staroobryadcheskogo Verkhokam'ya [Continuation of the tradition: the book culture of the Old Believer Verkhokamye]. In *Mir staroobryadchestva. Issue 3. Kniga. Traditsiya. Kul'tura* [The world of the Old Believers. Issue 3. Book. Tradition. Culture]. Moscow; Borodulino.

Smorgunova, E. M. (publ.). 1982. Permskaya rukopis' XIX veka «O razdele» [Perm manuscript of the 19th century «On the division»]. In *Russkie pis'mennye i ustnye traditsii i dukhovnaya kul'tura po materialam arkheograficheskikh ekspeditsii Moskovskogo universiteta 1972–1980 godov* [Russian Written and Oral Traditions and Spiritual Culture Based on Archaeographic Expeditions of Moscow University in 1972–1980], 247–265. Moscow.

TEACHING FAITH AND LITERACY - AN INSTRUMENT FOR PRESERVATION AND RENEWAL OF TRADITIONS

Abstract. This paper analyses traditional education combining literacy and upbringing in the faith. The paper also highlights Moscow Printing House textbook publishing activities.

Keywords: traditional education and upbringing, old believers, Upper Kama, Moscow Printing House.

Authors Info: Pozdeeva, Irina V. – Dr. of History, Professor, Lomonosov Moscow State University,
E-mail: vascault@mail.ru

For citation: Pozdeeva, I. V. 2023. Teaching faith and literacy – an instrument for preservation and renewal of traditions. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 33: 3–11

